

Жесип

Калымбетова

СУДЬБА И ЕЕ УРОКИ

Главы из автобиографического романа

Самое главное в жизни – это умение жить. И труднее всего – жить по-человечески. Не существует окостеневших правил, определенных установок, закреплённых законов того, как следует человеку жить в этом мире. Каждый смертный проживает жизнь по своему собственному усмотрению. Предостаточно на этом пути терний и шипов, крутых перевалов и неожиданных поворотов. И рядом с невзгодами и трудностями всегда найдется место удивительным и забавным моментам.

У жизни нет аналогов. И быть не может. Поэтому весьма редко можно встретить человека, который бы жил припеваючи, не зная забот и хлопот. Но даже счастливый человек может временами чувствовать себя несчастным, ибо счастье – понятие относительное. Таким образом, качество бытия напрямую зависит от самого человека. Если вам удастся, занимаясь любимым делом, создать гармонию в семейной жизни, – это и есть вершина счастья. Однако путь к нему лежит через победу над всеми препонами и трудностями судьбы.

Смею надеяться, что биографический роман, насыщенный разнообразными событиями, имеющий познавательное и нравственное значение, заставит взволнованно забиться чьи-то сердца и задуматься над собственной жизнью.

*Срок, отведенный для жизни,
В руках Аллаха,
Так наполни содержанием
Свой короткий век.*

1

На первый взгляд, река жизни кажется однообразно текущей по своему руслу, достигая нужных мест и огибая ненужные. Однако моим сверстникам доподлинно знакомо такое грозное бедствие, как Великая Отечественная война, многочисленные судьбоносные последствия которой и глубокое горе, принесенное ей, не обошли стороной и казахские семьи, расшатав и порой разрушив их до оснований.

Эта война у многих людей оставила в душе незаживающие рубцы и раны. Не вернулись с фронта чьи-то отцы, братья, мужья... Остались сиротами малые дети, зачастую родившиеся во время войны.

Для постороннего взгляда может показаться, что послевоенное время наполнилось миром и покоем и жизнь снова вошла в свою привычную колею: месяц за месяцем, год за годом. Воспринимать всё так было бы большой ошибкой, поскольку это – лишь обманчивая внешняя сторона того времени, отражавшаяся на страницах газет. В действительности же, если называть вещи своими именами, сохранялась в семьях неизбывная скорбь, безграничная тоска, незаживающие душевные раны.

В моем сердце и моем сознании отпечатались два горьких события жизни – гибель отца на фронте и безвременная смерть матери. Когда отец ушел на войну, мне не было даже трех лет, поэтому ничего не могу поведать о нем. А вот светлый, ласковый и дорогой образ Мамы я очень ясно помню, и мне ничего не стоит рассказать о ней подробно и последовательно. Всё, всё в моей памяти.

К сожалению, свою кындык-шеше¹ я никогда не видела, даже по рассказам Мамы мне не удается восстановить ее облик. Оказывается, эту роль доверили нашей соседке по имени Толеу. Покойная Мама с изумлением говорила, когда мне было лет пять-шесть: «О, Аллах, какая ты волевая и храбрая! Надо же, такая сильная, не согнешь! Вот ведь как похожа на Толеу!». В ее голосе, приятно звучащем, чувствовалось поощрение. Поэтому я старалась в дальнейшей жизни еще больше развить и закалить в себе понравившиеся Маме черты. Даны ли были эти качества мне самим Богом при рождении или я приобрела их от Толеу, для меня не имело значения. Важно было то, что я гордилась своим характером. Если б я была размазней и мямлей, вряд ли состоялась бы как личность и нашла свое место на полном борьбы жизненном пути. Известно, что у бесцельного существования – кущее и туманное будущее.

Если обратиться к обычаям и обрядам нашего народа, через века дошедшим до нас, то получается так, что новорожденный принимает характер того человека, который первым поднял его на руки. По словам Мамы, Толеу меня очень любила и скрупулезно исполняла все свои обязанности, делала принятые по обычаю подношения и подарки, словом, безупречно справлялась со своей ролью кындык-шеше. До самого отъезда в другие края она с чистосердечным усердием заботилась обо мне и обильно изливала на меня любовь и ласку.

2

Мне кажется, моя настоящая жизнь началась с того дня, как умерла Мама. Потеряв отца в неполные три года, а Маму – в семь лет, я стала круглой сиротой, и не могу припомнить счастливых дней своего детства. Не осталось в моей памяти каких-либо веселых и интересных эпизодов, о которых я могла бы рассказать с удовольствием и ностальгией. Даже мои недалекие вылазки из дому также прихотятся на то время, когда была жива Мама.

Мы отправлялись на добычу сладких корней туйетабана², который рос в обилии вокруг аула. Обхватив верхнюю мелколистную часть стелющегося по земле растения руками, мы выдергивали его, отряхивали корни от земли и, протерев их, лакомились. Они были похожи на морковь, только белые и более сладкие. Ходили много раз собирать землянику. Бывало, что с трудом добирались домой, попав под проливной дождь и промокнув до нитки. А иногда приходилось быть

¹ Кындык-шеше – женщина, перерезавшая пуповину; пользуется определенными правами у родителей ребенка.

² Туйетабан – парнолистник, многолетнее растение.

мишенью для огромных кусков града. Среди травы находили пестрые, в крапинку, яички птиц. Мама пугалась и кричала: «Ойбай, отнесите на место, не разбейте, не то ваши лица покроются пятнами! Это же яички рябчика, проклянет». После этого мы перестали собирать их и больше к ним не прикасались.

Мама одинаково радушно и тепло относилась ко всем родственникам. Впитавшиеся в меня с молоком моей дорогой Мамы почтительность, сострадательность, умение прощать я пронесла через всю жизнь. Я старалась стойко переносить все посыпавшиеся на меня после смерти Мамы испытания, рано научилась отличать черное от белого. При жизни Мамы я не успела распознать близость родства тех родичей, с которыми приходилось часто видеться и тесно общаться. Позже я всем им порывалась излить свои искренние чувства любви и сердечности.

Безвременная потеря Мамы оказала влияние на становление моего характера и внесла изменения во взгляды на жизнь. Дело в том, что я начала слышать в свой адрес грубые, злые речи, которых мне не доводилось слышать при жизни Мамы. К тому же, я начала замечать, что отношения посещавших нас раньше родных и знакомых тоже изменились, стали более прохладными. Они могли проявлять заботу к своей ребятне, с которой я играла в одной компании, но меня всячески отделяли. От этого я стала задумчивой и критичной. Я научилась быстро принимать разнообразные обстоятельства бытия, вплоть до мелких и незначительных, приспособливаться к ним.

Благодаря безмерной доброте, заботливости и душевной чистоте моей Мамы я не почувствовала отсутствия отца, не заметила. Но, как только ее не стало, с каждым днем в груди моей начали копиться скорбь и тоска. В минуты, когда сердце мое разрывалось от тоски по Маме, я, несмотря на мой дошкольный возраст, одна, ничего не страшась, убегала на кладбище. находившееся неподалеку от дома, и навзрыд, в голос плакала там над ее могилой, изливая свое детское горе. Что мне было делать, куда я еще могла пойти с этим непосильным грузом?

Моей единственной заботой было благополучие дома, в котором я воспитывалась. Мои думы вертелись лишь вокруг одной темы: как успеть переделать всю ежедневную работу по дому, как заслужить хорошую оценку.

Итак, позвольте продолжить мое повествование.

3

Накануне кончины Мамы, летом 1947 года, живой и невредимый вернулся с фронта сын ее деверя Турганбай. Радости Мамы не было границ. Турганбай приехал в аул на грузовике. Мама вместе с ним на этой машине отправилась по соседним аулам, чтобы поделиться с людьми своей радостью за уцелевшего на кровавой войне внучатого деверя. Эта поездка, наполнявшая ее сердце гордостью и ощущением восстановленного миропорядка, была ярким, незабываемым событием в жизни самого дорогого мне человека. Несмотря на клубившуюся позади грузовика пыль, аульская ребятня весело, наперегонки бежала за ним. В те годы один только приезд на машине указывал на соответствующую должность и статус маминого родственника.

Перед отъездом Турганбай, которого Мама называла «Кенже»³, неожиданно сообщил:

³ Кенже – последний; по обычаю, снохи не называли по имени деверей и придумывали для них прозвища.

– Жангага, я хочу, чтобы Жаныл училась в русской школе. Пусть до осени упражняется, учит русский язык, завтра я увезу ее с собой.

Болевшая тогда Мама ответила:

– Хорошо, Кенже. Если ты берешься учить ее, я не против. Доброго пути ей. Разве может быть для меня большее счастье, если моя девочка получит образование и станет человеком?

Наутро я с ликованием собралась в дорогу, уложив в узелок из платка два своих платья, ситцевое и чесучовое, и мы тронулись в сторону Караганды. Также я везла гостинцы от Мамы: курт, масло, ирмшик⁴, брынзу, сливки и другие лакомства. О том, что буду скучать по Маме, мне тогда даже не приходило в голову.

Мамин внучатый деверь Турганбай был холост. Он жил в семье старшего брата Торехана, следовательно, сам был в зависимом положении. Однако бросалось в глаза то, что Торехан-агатай⁵ и жена его тетя Батима сами зависели от его настроения и считались с ним. В любом случае, тут крылась какая-то тайна, может быть, дом принадлежал Турганбаю? Дело в том, что он один занимал почетное место в гостиной комнате. Вместе с ними жила также теща старшего брата. Звали ее Толеу. Помню, что, начиная со дня моего приезда в Караганду, мы все вместе шинковали капусту и укладывали в бочку для квашения. Также по сей день перед глазами, как сушили выкопанную картошку во дворе, потом сортировали и спускали в погреб. Я принимала участие во всех этих делах.

Не знаю, чем занимался тогда Торехан-агатай, а вот жена его Батима не работала. Мать ее Толеу, в их отсутствие, побивала меня, находя для этого причины.

– Ты картошку чистишь плохо, половину срезаешь с кожурой, – говорила она и кусала мне пальцы.

Я не могла чистить картошку как взрослые, так как пальцы не слушались, да и навыка не было, ведь у нас дома картошки никогда не водилось. Я полагаю, что в нашем ауле никто не выращивал в те годы картофель, да и в глаза его вряд ли кто видел.

Я боялась сказать кому-либо, что старуха Толеу бьет меня. Видимо, она делала это нарочно, чтобы избавиться от лишнего рта и обузы для ее дочери. Ведь мне едва перевалило за шесть, и ощутимой помощи по-хозяйству я оказать не могла. К тому же, если пойду в школу, то у бабки дел прибавится. Такие мысли пришли в мою голову намного позже, а тогда мне было невдомек, за что так невзлюбила меня эта Толеу. Каждый день я проводила в слезах. Как бы там ни было, это обстоятельство послужило причиной того, что я не прижилась в этом доме.

Квартира, которую мы занимали, состояла из четырех комнат. Это была коммунальная квартира. В двух комнатах с отдельным входом жили другие жильцы. Это были образованные, грамотные люди, работавшие в газетах и журналах. Я, хоть и была еще маленькой, но замечала неприятные черты характера наших соседей. Однако я усвоила, что на территории общего коридора и кухни необходимо соблюдать дисциплину. Эти коммуналки были очень неудобными. Если к соседям приходили гости, мы старались лишний раз не выходить в коридор и кухню. Нередко гости напивались и вели себя непристойно.

Турганбай-ага приступил к обучению меня городской жизни. В ауле не было ни зубных щеток, ни зубного порошка. Турганбай-ага ранним утром отводил

⁴ Ирмшик – казахский сыр.

⁵ Агатай – ласковое обращение от слова «ага» – старший брат, дядя.

меня в кухню и требовал, чтобы я тщательно чистила зубы и мыла лицо и руки с душистым туалетным мылом. В это время сам он стоял рядом и наблюдал.

Началом всех напастей стала моя сильная привязанность к Маме, с которой я никогда прежде не разлучалась. Каждый день я не переставала плакать, скучая по Маме, по аулу. Дети во дворе сторонились меня, не играли со мной. К тому же многие из них были русские, а я не знала языка. Но Турганбай-ага таи изо всех сил пытался приучить меня к этому месту, изыскивал всякие способы. Чтобы развлечь меня, он водил меня в гости к тамошним родственникам – Досжану, Батырхану, брату Мамы Дихану, оставлял там на ночевку. В конце концов, устав от моих слез, брат был вынужден вернуть меня домой.

Приехав в аул, мы увидели, что состояние Мамы сильно ухудшилось. Было принято решение везти ее на этой машине в Караганду. Мама поручила дом и хозяйство старшему брату Турганбая Каирхану, которого называла «Тентек» (Проказник) и его жене Марии.

Разумеется, только Аллаху ведомо то, что ждет нас впереди. Я не знала тогда, что мне придется жить у Айдархана, брата моего отца, поэтому была беспечна.

Большая дорога, ведущая в Караганду, проходила в трех-четыре километра от дома Айдархана-ага, на той стороне озера Копа, что принадлежало колхозу «Коктал». Из него было хорошо видно все проезжающие по дороге машины. Мы завернули в дом Айдархана, Маме хотелось рассказать о состоянии всех дел. И она, и Турганбай нашли верным оставить меня временно в этом доме. Жена Айдархана, тетя Батес сильно болела. У нее был шестимесячный сын Рахат, и ей требовалась помощница по уходу за ним. Они все меня уговорили остаться, мол, «всего пятнадцать-двадцать дней поживешь» и, несмотря на мой громкий протестующий плач, оставили. «Не плачь! – прикрикнула на меня Мама, – ты же два месяца в городе пожила». Она пообещала забрать меня на обратном пути, и они уехали, взяв с собой моего младшего братика.

Уехавшая в августе моя мать долго лечилась в доме своего родного брата Дихана, отслужившегося в рядах армии. Она вернулась назад только в ноябре следующего года. Верная своему обещанию, мать завершила в дом Айдархана, чтобы забрать меня. Это был 1947 год.

В этот раз сноха ее Батес также сильно болела. Мама сочла неудобным сразу увезти меня и решила дождаться, пока Батес выздоровеет. Так прошло восемнадцать дней. Удовлетворенная тем, что чувствует себя намного лучше, Мама помогала по хозяйству.

– Дочка, мы послезавтра возвращаемся. Принеси-ка воды, вымою хорошенько и окурю кадушку для кумыса. – сказала она мне.

В это время уже кобыл не доили, оставили лишь одну яловую кобылу, чтобы был кумыс для Батес.

– Хорошо, – ответила я, побежала, принесла воды и помогла Маме мыть кадушку.

Вымыв ее изнутри, мы поставили просушиться. Я ушла в дом. Через некоторое время вышла и начала искать Маму. Она оказалась в клетке для хранения продуктов. Таволга была нарезана и дымилась. Сильно побледнев, Мама сидела рядом, не в силах перевернуть кадушку над дымом. Тело ее тряс озноб. Но она не хотела подавать виду, что не может справиться с кадушкой. Я все же заметила ее состояние и спросила:

– Мама, ты что, болеешь?

– Нет, я просто балуюсь, – ответила она недовольно, суровым голосом.

Я поняла, что мой вопрос задел маму. «Зачем спрашиваешь, неужели сама не видишь мое состояние?», – словно хотела она сказать мне этим ответом. Я мигом бросилась в дом и рассказала все виденное Батес. Когда мы вместе вошли в клеть, Мама едва не падала, поскольку ее бил сильный озноб, как при малярии. Она дрожала всем телом. Мы с двух сторон взяли матушку под руки и, подняв с места, повели в дом. Несмотря на недостаток роста и сил, я старалась, как могла. В доме мы положили Маму на кровать. Растерявшись, начали накрывать ее одеялами, чтобы она согрелась. Пытаясь согреть ледяные ноги матери, я приподняла одежду и приложила их к животу, массировала руками. Мне казалось, что от этих моих действий Мама быстро поправится. Скорее бы вернуться домой! С этими мыслями о возвращении, приложив ступни Мамы к животу, оказывается, я так и замерла у подножия кровати.

Не помню, чтобы она когда-либо болела с такой дрожью и ознобом. Меня испугало то, что Мама так сильно замерзла и дрожит. От страха из глаз моих полились бусины слез. Мама заметила их и взяла мою руку:

– Ну-ка, перестань, не плачь, не выдумывай, чего не надо.

Она гладила и сжимала мои пальцы, будто прощалась. Мама могла бы передать всё словами, но ее сдержанный характер не позволил ей преждевременно вводить меня в смятение и печаль...

Вспоминая теперь этот миг, я чувствую, что в тот момент получила последнее тепло маминых рук. А тогда мне стало страшно, и я расплакалась.

Сильная лихорадка Мамы постепенно сменилась таким же сильным жаром. В те времена не было термометров, но обжигающий жар маминого тела привел нас с тетей в смятение, мы не знали, что предпринять. Врачей тогда в аулах и в помине не было. К тому же поздняя осень вошла в свои права. Первый день ноября заявил о себе порывистым холодным ветром, который впоследствии перешел в настоящую бурю. Небо покрылось черными зловещими тучами, и полил дождь. По этой причине и Айдархан-ага не смог вернуться домой и остался ночевать в зимовке.

Мы разожгли печь и согрели дом. Обычно заболевших людей возили в Каркаралы, в районную больницу. Но это тоже было делом нелегким, поскольку требовалась запряженная телега. Тетя Батес сильно растерялась.

Она то и дело повторяла: «Надо же, и Айдархана нет, он бы нашел выход!».

После обеда под ушами Мамы появилась опухоль. За ночь она увеличилась так, что превратилась в огромный второй подбородок, не давая больной возможности наклоняться. Мама обеспокоилась и все время спрашивала: «Уже рассвело?», а днем вопрошала: «Солнце село?».

В тот же день пополудни язык ее начал заплетаться. Почувствовав это, она подозвала сноху Батес и принялась поручать ей меня:

– Батес, когда встретимся в загробном мире, с тебя спрошу про эту мою дочь, тебе ее поручаю, – а когда черед дошел до моего пятилетнего брата, она успела сказать: – Куаныша поручаю Кенже, передайте ему.

Дальше язык Мамы стал еще больше заплетаться, и третий наказ она произнесла с большим трудом:

– Я собиралась дочери соткать палас... и напярла много пряжи... Первым делом закажи палас из них... Сейчас мало рукодельниц по паласам... Пусть соткут про-

сто, полосками... Иначе мне придется лежать на тех клубках в могиле, а клубки круглые, крупные... – последние слова она проговорила еле-еле, отрывисто и совсем замолчала.

После Мама лишь мимикой пыталась сказать что-то. Но ни я, ни тетя не смогли понять ее. Было видно, что осталось еще много несказанного, поскольку губы ее шевелились непрерывно. Сильная бледность разлилась по лицу Мама, обильные слезы, бусинами вытекавшие из ее глаз, говорили о предсмертной горечи и боли. Потеряв последнюю надежду, она жалела меня и хотела бы сказать мне много материнских наставлений и советов. Однако... язык подвел ее. Через некоторое время глаза Мама закрылись, и она отправилась в мир иной.

Мы с тетей зарыдали в голос, подняв спавших детей. Они побежали оповестить соседей. Какие-то люди отправили весть на ферму, Айдархану-ага, и он приехал в тот же день после обеда.

Тот факт, что моя Мама умерла без особых мучений, в течение двух суток, я связала с ее жизнью, посвященной сеянием вокруг зерен святости. Я не перестаю возвеличивать ее, добрую и отзывчивую, всегда призывавшую людей к единству и согласию. Матушка моя далека была от того, чтобы думать только о себе. Поэтому Аллахом ей была дарована такая светлая кончина. Вспоминая то, как она ушла, сама сильно не страдая и не подвергая заботам других, я возношу благодарность Всевышнему.

В том, 1947 году, я опоздала к началу занятий и не попала в школу. Таким образом, начала я учиться в школе лишь в следующем году. По воле судьбы и заветчанию матери, я целых одиннадцать лет жила в семье Айдархана-ага, «входя с дровами и выходя с золой», то есть выполняя все дела по хозяйству. Что греха таить, я жила в зажиточном доме, ни в чем не нуждалась. Это тоже было милостью Аллаха по отношению ко мне.

4

Когда Мама навеки закрыла очи, ей было всего сорок девять лет. Моего единственного младшего брата Куаныша она оставила на попечение жившему в Караганде Турганбаю. Матушка моя очень доверяла своему любимому внуку-тому деверю. Он не курил, не пил и среди всех родичей был самым грамотным и образованным. Турганбай рано остался сиротой и вырос в семье старшего брата, где получил закалку, окреп. Он был воистину сильным, хватким и бойким джигитом. Словно этому парню мало было сиротства, он еще успел принять участие в Великой Отечественной войне. К счастью, Турганбай не получил тяжелых ранений. В силу того, что сам был свидетелем кровавых битв и пережил много трагических моментов на полях сражений, трудности мирной жизни ничуть не пугали его. Турганбай и обликом был красив. Большие глаза, прямой нос, средний рост, телосложение, – всё-всё в нем было гармонично. Характер же его со стороны казался сдержанным, спокойным. Он был знающий специалист: опытный, серьезный, умный, имеющий прочные преподавательские навыки, прекрасный психолог, с твердыми жизненными принципами, ответственный в работе, стремящийся воплотить свои чаяния только посредством честного труда. Среди родственников двоюродный брат мой также пользовался авторитетом. На жизненном пути ему сполна довелось познать вкус бедности и нужды, поэтому он хорошо знал цену каждой копейке и умел скрупулезно распорядиться деньгами.

Жена родного старшего брата Батима придумала ему прозвище «Карынбай»⁶, которое широко распространилось в народе. Окружающие поражались тому, как точно это прозвище подобрано.

До самой смерти Турганбай был членом партии, занимался пропагандой политики того времени. Также до конца жизни он проработал в педагогическом институте, преподавая историю партии. Кандидатскую степень он защитил еще в 1955 году. Он многие годы достойно исполнял должность проректора института заслуженно являясь представительной фигурой в коллективе.

Выгодно используя все свои разносторонние таланты, Турганбай сделал карьеру великолепного педагога. Ученики преклонялись перед его знаниями, следовали его советам и стремились быть похожими на него. Мой кузен обладал даром стратега и тактика, выражаясь образно, «умел пройти благополучно через игольное ушко», соблюдая осторожность в каждом шаге и, при необходимости, прибегая к хитрости.

Сам же он никогда не нуждался в чужих советах, даже за помощью к любимой жене не обращался. В самых сложных и запутанных ситуациях он сам находил выход. К примеру, ни с кем не обмолвясь словом, ложился в больницу на любую хирургическую операцию. Домочадцы узнавали о ней от врачей, когда все было позади. Он привык все свои дела решать самостоятельно, никого не пугая и не напрягая. Его жизненным девизом можно было бы назвать слова: «Если придет смерть, никто не спасет, и никто не станет посредником». Домашние прекрасно знали, что он никогда не пойдет на какие-либо неверные и превратные действия, поэтому не переживали за него, даже если он где-то задерживался.

Все вопросы жизни и быта были на нем. Понимая, что невозможно все их решить так, как того хотелось бы, он старался не расстраивать нервы. Родичи и ученики во всем хотели подражать ему. Однако были и такие, которые, восхищаясь своим кумиром, идеализируя, так и не смогли разгадать его секрета и осуществить свою мечту.

Вот такому знатоку-деверю матушка завещала воспитание единственного сына Куаныша. Воспитательные меры Турганбая тоже носили своеобразный характер. Он то сдавал Куаныша в детдом, то брал к себе, то определял в интернат. Но никто не смел вмешиваться в его дела или давать советы. Также никто не мог предпологать, что брат не любил воспитанника или жестко обращался с ним. Я думаю, что Турганбай воспитывал Куаныша так, как считал нужным, и тот в полной мере прошел все выпавшие на его долю испытания.

На летние каникулы он отправлял Куаныша в аул. Я была в абсолютном неведении о судьбе младшего брата. Он был приучен в том доме не раскрывать кому-либо условий своей жизни. На все мои вопросы был один ответ: «Всё хорошо». Меня примиряло с этим и успокаивало то, что брат мой учился в большом городе, в русской школе и получал лучшие, чем в ауле, знания. Влияние Кенже хорошо наблюдалось в его поведении. Он рос смелым, волевым, немногословным. Однако обиды и радости внутреннего мира Куаныша ясно читались в его глазах и выражении лица. Едва получив весть о его прибытии, я впадала в смятение. Глаза мои наполнялись слезами, сердце разрывалось от тоски по брату и сознания того, что не смогу скрыть от него условий моего быта. Понимая, что не имею возмож-

⁶ Карынбай – скупой; скаредный (по имени библейского Кора, в мусульманских легендах Каруна – богача-скряга, которого поглотила земля, а скот его превратился в камни).

ности встретить его с распростертыми объятиями, как у себя дома, я пряталась где-нибудь, давясь слезами. Привычный к таким выходкам своей старшей сестры, Куаныш сам находил меня. Здесь, в стороне от других глаз, мы заключали друг друга в объятия, вместе плакали, изливая печаль и боль. Наплакавшись и освободив сердце от тоски, принимались утешать друг друга.

Тетя Батес в эти два месяца каникул пыталась загрузить его рубкой дров и другими домашними делами. Я тоже умоляла брата:

– Куаныш, наруби-ка дров.

Возможно, потому, что был мальчиком, он не думал выполнять эти задания и даже не беспокоился об этом. Иногда мог уйти играть и возвращался только вечером.

На вопрос тети Батес:

– Почему ты не сделал, непутевый?! – он отвечал спокойно, не считая нужным стыдиться за это:

– Я сюда приехал не для того, чтобы работать. Я приехал отдыхать.

А я в этот момент готова была провалиться сквозь землю от стыда. Разозлившись на его неучтивые слова, тетя лишала Куаныша еды. Однако это его нисколько не волновало, поскольку он знал, что вся пища, кумыс и прочие продукты в моем ведении, и я не оставлю брата голодным.

Некоторые обстоятельства жизни остаются навсегда в памяти, несмотря на то, что не имеют особого смысла и ценности. К примеру, когда я жарила баурсаки, Куаныш подходил к очагу и, лапаясь, поднимал подол своей майки. Я нагружала его доверху баурсаками, и он убежал играть. Или наполняла кепку, которую он тут же водружал на голову. Так что братишка мой всегда бывал сыт, терпя недостаток лишь в запахах, поскольку ими распорядилась сама тетя.

Вот еще один часто повторявшийся эпизод: наигравшись, Куаныш прибежал к накрытому дастархану, не обращая внимания ни на чьи взгляды, шлепался за него и принимался сметать всю еду со скатерти. Конечно, так бывало лишь в тех случаях, когда Айдархан-ага отсутствовал. Этим своим поведением мой брат доводил тетю Батес до белого каления:

– Обжора! Непутевый! Гулял-гулял где-то, а теперь приперся! жрет, будто всю работу мою переделал!

Но эти слова Куаныш пропускал мимо ушей и продолжал молча кушать. Порой, когда он протягивал руку за сливочным маслом, тетя била его деревянной ложкой по руке и прикрикивала:

– Что, без масла тебе еда в глотку не проходит?!

Он отдергивал руку, но потом все же завладевал куском масла и, толстым слюем намазав на хлеб, отправлял в рот. Зная, что тетя пожирает его злым взглядом, мальчик даже не смотрел в ее сторону.

Сноха никогда не думала о том, что я могу обидеться. Обычно я разливала чай во время трапезы и, слыша ругательства в адрес брата, обливалась слезами. Поднимая голову, я видела довольные лица домочадцев, словно они хотели сказать: «Получай, что заслужила».

– А ты, девка, чего уставилась? – кричала тетя и ударяла меня по голове той же деревянной ложкой.

Несмотря на такие обидные, постоянно повторяющиеся моменты, я, до самого отъезда моего брата в Караганду, беспрекословно, не выражая протеста,

исполняла свою ежедневную утомительную работу. При мысли, что я терпела лишь потому, чтобы мой Куаныш не остался голодным, до сих пор глаза мои наполняются горячими слезами...

А жизнь, состоящая из таких малых и больших событий и картин, продолжалась. Но нельзя обойти вниманием сложное, болезненное обстоятельство, каким являлась двуличность родственников. Как бы я уж старалась не замечать мелких гнусностей их, они прямо-таки лезли в глаза. В детские годы самое главное страдание вызывает унижение, которое подавляет волю и отражает, как в зеркале, твою сиротскую долю.

У горожан вошло в привычку приезжать каждое лето во время отпуска с детьми сюда, отдохнуть, попить кумыса. Они считали себя умными, культурными и свысока смотрели на аульных жителей. Однако подарки привозили всем домочадцам, вплоть до собаки. Только не мне.

– Эй, Жаныл, тебе мы ничего не привезли, – говорили они как бы по-своему, – подумали, что все равно своей дочери отдадут. У тебя все еще впереди. Даст Бог, когда закончишь школу, специально приедем за тобой, заберем и устроим в высшее учебное заведение, обучим, оденем, – так они оправдывали себя.

Пока горожане гостили у нас, я вставала с солнцем, стелилась перед ними, угождая во всем, старалась вкуснее приготовить баурсаки, хлеб и другие разнообразные блюда, а вечером валилась с ног от усталости. Временами они успевали и сноху Батес очернить.

– Она же невежда, не видит твоих трудов, не ценит, – говорили они жалостливо, разжигая во мне тлеющее чувство недовольства тетей, настраивая меня против нее.

К сожалению, по наивности своей я поняла их неискренность намного позже. А все эти годы я принимала их обещания за чистую монету, верила им, надеялась на них. С каждым днем во мне росли родственные чувства к моей городской родне, которая казалась лучше, теплее, сострадательней аульной.

Когда они уезжали, я сникала, мне хотелось уехать с ними, глаза мои наполнялись слезами. Увидев мое состояние, тетя говорила насмешливо:

– О, коварная дрянь! О, несчастная! Ты их узнаешь, когда попадешь в тяжелое положение. Ты для них гроша медного не стоишь!

И уехавших родичей тетя не оставляла без внимания, честила их, высмеивала привычки, не жалея самых колких и язвительных слов. Расшатав нервы, она отыгрывалась на мне:

– Ты, девка, позоришь меня! Заставляешь меня сомневаться во всех и вся. На ровном месте лишаешь доверия.

Она могла даже побить меня, и все кончалось большим скандалом.

Не выдержав такой напряженной обстановки, я устраивала своего рода забастовку: ничего не ела и работу по дому не выполняла. Что интересно, как бы ни страдала и ни злилась, я никогда не покидала дома, не ходила к соседям, чтобы посетовать, пожаловаться, опорочить своих родственников. Я была так честлюбива, что стремилась не выносить сор из избы. При этом не слонялась по дому, а сидела в одном месте, как вбитый кол. И в постель не ложилась. Как придет ночь, прикорну, не раздеваясь, там, где сижу.

Несмотря на мой детский возраст, я все же стремилась к тому, чтобы не запятнать авторитета и высокого положения Айдархана-ага, работавшего председателем

колхоза. Полагая, что я украдкой ворую еду, тетя Батес все продукты собирала в клеть, закрывала ее на замок, а ключ носила в своем нагрудном кармане. В таких случаях голодовка моя могла продолжаться от двух до четырех дней.

Снохе Батес самой приходилось доить коров и кобыл, да и остальные многочисленные дела по хозяйству выполнять, так что она к концу дня сильно уставала. К тому же, в силу своей медлительности, многое сделать не успевала. Особенную трудность создавала дойка коров в летнее время. Ее надо было успеть провести от шести до семи часов утра, поскольку проходящее мимо на выгон стадо вызывало природный рефлекс у наших коров. Боясь отстать от стада, они могли опрокинуть подойник и убежать.

Потягивая по привычке носом, устало шаркая ногами и не находя времени для отдыха, тетя продолжала хозяйничать, больше делая вид, что все успеваает. При этом она не забывала бдеть за мной. Я теряла терпение от одного созерцания ее нерасторопных действий. В свою очередь, мой упорный, негибачаемый, волевой характер доводили сноху до бешенства, она подходила ко мне, осыпала ругательствами и проклятиями и, таким образом отведя душу, уходила, пнув ногой напоследок.

Однако любому терпению приходит конец. Видя, что я не отступлюсь даже под страхом смерти, тетя приносила мне еду:

– Ешь, ведьма, несчастная дрянь! От голода, что ли, решила умереть?! – кричала она. В такие минуты лицо ее становилось серым, глаза лезли из орбит.

Искаженное злобой лицо тети Батес, бессилие и слабость, вынуждавшие ее капитулировать, еще больше укрепляли мое мужество, силу протеста, честную любовь. И, несмотря на лижущий мои внутренности голод, я даже не прикасалась к еде. Это мое поведение доводило тетю до безумной ярости и удлиняло язык. Зловонным дождем начинали литься с него проклятия, одно страшнее другого. Они пронизывали всё мое существо до самых костей. Но, отразившись эхом, губительные эти проклятия только возвышали мой дух, закаляли честь и многократно усиливали мое противостояние.

Окончательно потеряв весь свой авторитет передо мной, обессилев до предела, тетя обрушивала гнев на мужа:

– Чтоб тебе было пусто, Айдархан! Чем я провинилась перед Богом, что должна возиться с этой девчонкой?! Да она же настоящий медведь!

Полная беспомощность вкупе с мыслью о том, что я могу пожаловаться дяде, заставляли сноху прийти в себя, и она вдруг обращалась ко мне совсем с другими речами:

– Жеребенок мой, что бы дитя ни делало, не колет глаза. Давай, покушай, жеребенок мой, – говорила она ласково, обнимая меня и целуя.

Я же мучилась, не умея различить, от чистого ли сердца идут эти ее слова, либо в них есть какой-то подвох. Но все-таки во мне брало верх ребячество, и я смягчалась. Конечно, здесь играло роль и сознание своей победы в этой жестокой борьбе, да и пустой желудок, в котором два-три дня не было маковой росинки. И я шла на примирение. Так жизнь снова входила в прежнее русло.

Позже я поняла, что благодаря суровому и жесткому воспитанию тети в те годы, я закалилась настолько, что не боялась никаких трудностей, преград и невзгод жизни и быта. Упорство и смелость помогали мне справляться с любой работой наравне со взрослыми. Действительно, я выросла очень ответственной и серьезной.

5

Голубая мечта каждого смертного – прожить красивую жизнь в этом мире, но не всем людям это удастся, ибо это совсем непросто. Несмотря на все усилия, в течение жизни мы совершаем ошибки и оплошности. Периоды сменяют один другой, привнося различные трудности и превратности. Но, несмотря на рост сознания и разумности, оказывается, пронизывающие до самых костей проклятия не забываются. Стараешься призвать к смирению и простить, но не покидает чувство, что все это напрасно...

Зияющие раны от проклятий так и остаются в сердце, подобно отверстиям в дереве, когда вытаскиваешь забитый в него толстый гвоздь. Омерзительные, убийственные слова, произнесенные с особым чувством, остаются в памяти в том же виде, не поддаваясь гниению. И время над ними бессильно. Тяжесть их, не вмещающаяся ни в какие традиционные верования, сродни тяжести свинца. Здесь уместно остановиться еще на одном эпизоде.

В детстве нами владеет желание подражать другим, не отставать ни в чем от своих сверстников, не чувствовать себя ущемленными. Кроме прочего, я гордилась тем, что прихожусь почти дочерью председателю колхоза. В моем характере присутствовала некая отвага, порой побуждавшая меня, отодвинув в сторону душевное состояние снохи и сказав себе: «Будь что будет!», жить дальше.

Одно из таких запутанных рискованных обстоятельств выпало прямо на проходившие весной очередные выборы. В то время, особенно в годы правления Сталина, выборы были большим праздничным событием в жизни народа, к нему тщательно готовились, а в сельской местности выборы превращались в настоящее торжество. Достигшая совершеннолетия молодежь, впервые отдающая голос, а также старые люди, стремились прийти на голосование в шесть часов утра. Их одаривали специальными подарками. А школьники давали концерт, пели песни и танцевали, оказывая им почет.

Мне тоже захотелось принимать участие в концерте, я записалась в хор и на танцы. Еще днем я сосредоточилась на том, чтобы успеть на концерт: предусмотрительно выполнила все работы по дому, красиво постелила мягкие постели для остановившихся у нас членов избирательной комиссии, не обделила вниманием и домочадцев. Успела и посуду перемыть так, что она сверкала чистотой. Но, как говорят в народе: «За ребенком глаз да глаз нужен». Оказывается, в спешке я забыла прикрутить фитиль в керосиновой лампе. Все домашние были на концерте. Ночью после концерта я выскочила в темную ночь и, спотыкаясь на весенней тропе, местами подтаявшей, местами все еще твердой ото льда, кое-как добралась домой. Запахавшись, я вбежала в дом, надеясь успеть раньше других, поскольку боялась, что мне влетит за то, что ушла без спросу. Уже с порога озверевшая сноха как смерч накинулась на меня:

– О, ведьма несчастная! Тебе ли по концертам ходить!

Только потом я поняла причину ее гнева и тумачков. Как оказалось, чистый воздух, проникавший через оконные и дверные щели и зазоры, поднял уровень кислорода в комнате, отчего фитиль начал гореть сильнее, стекло лампы лопнуло и почернело от сажи. Возможно, дефицит хозяйственных товаров в то время оказал влияние на поведение тети Батес, но ведь не могли же они быть дороже человека. В порыве безумной злобы сноха избилла меня щипцами для углей. Места

побоев всю ночь саднили и кровили, а к утру опухли и превратились в синяки и кровоподтеки.

Муж тети Батес Айдархан приходился родным младшим братом моему отцу. Взяв меня к себе в дом, он принимал на себя обязанности и моего отца. Однако дядя никогда не обращал внимания и не вмешивался в мое житье-бытье. Ему не было никакого дела до того, как я живу, чем питаюсь. Он довольствовался тем, что я попадаюсь ему на глаза в этом доме, значит, жива. Я оправдывала это тем, что Айдархан-ага был очень трудолюбивым, загруженным руководящей должностью, несущим ответственность за большое хозяйство, и поэтому гасила в себе обиду на его равнодушие. Он не раз оказывался свидетелем того, как я отчаянно кричала, избиваемая снохой. Но ни разу дядя мой не вступился за меня, он просто проходил мимо. Он мог хотя бы оттолкнуть жену или прикрикнуть на нее, ведь я – его родная племянница. Эта его черствость сильно огорчала меня и вселяла в сердце печаль.

Я собралась было в этот раз пожаловаться дяде на жестоко избившую меня сноху, но, вспомнив все прежние случаи, поняла, что он по-прежнему не сделает порицания жене, даже ради духов моих почивших родителей. И решила не расходовать слов понапрасну, так как полностью разочаровалась в нем. Не найдя выхода, обида моя кипела как казан, и я горько плакала всю ночь. Только под самое утро уснула.

Утром я не накрыла дастархан, не приготовила чая, как это бывало обычно. От долгого плача глаза мои заплыли, лицо сильно опухло. Я не хотела показываться никому на глаза, стыдилась. Со всеми делами пришлось справляться снохе самой.

Я училась тогда в четвертом классе, но все же, подумав, решила взять себя в руки, ведь мне предстояло еще много лет жить в этом доме. Дядя по колхозным делам уезжал на фермы и часто не бывал дома. Когда случались сильные бураны, сбивающие коня с ног, он оставался там ночевать. Машин тогда не было и в помине. Наверное, я сделала правильно, что не стала его отвлекать своими проблемами.

Выборы проходили ранней весной, когда в колхозе еще не началась посевная страда и другие весенние работы. Снег не успел растаять полностью, поэтому скотина стояла в хлеву, не выгонялась на выпас. Сезон окота и отела еще не вошел в силу. Одним словом, хозяйственные дела в колхозе пока не требовали хлопот.

Члены избирательной комиссии также приезжали на лошадях. Для того чтобы ухаживать зимой за лошадьми приезжающих к нам гостей, а также за нашим зимующим в подворье скотом, держали свободную в это время года немецкую девушку Эльзу. Она чистила под ними навоз, выдавала корм и воду. Вечером, закончив дела, Эльза уходила на ночевку домой, к престарелой матери. В этот раз она, как обычно, пришла ухаживать за лошадьми наших гостей. Увидев мое распухшее лицо, девушка попросила рассказать, в чем дело. А увидев мое тело в синяках, она пришла в ужас. Эльза тяжело вздохнула, в глазах ее показались слезы.

– А других родственников у тебя нет, что ли? – спросила она с жалостью. – Обычно у казахов бывает много родни. Если есть, то почему ты не уйдешь к ним?

Эти ее слова мне очень понравились, заставили задуматься. Я мысленно прошлась по своим родственникам, пытаюсь проанализировать каждого. Но мое раннее сиротство мешало мне определить степень родства. Все, кто приходил, назжал к матушке, мне казались родней. Самым близким родственником я считала своего старшего брата Сырыма, мы его называли Сыркен. Он учился в районном центре Каркаралы, в русской школе. Всякий раз, когда Сырым приезжал на каникулы, между мной и детьми Айдархана-ага происходили отчаянные стычки. Они считали его своим родным братом и оспаривали свое родство, принадлежность его их семье. «Его родила наша мама», – слышала я от них сомнительные слова. «А твоя мать только воспитывала его, но не рожала», – эти недоказанные доводы сильно злили меня, и я пускалась в долгие, пустые споры с ними. Иногда в голову мою закрадывалась мысль: «А может быть, они и правы. Потому что Мама, перед смертью поручая меня снохе Батес, а Куаныша – Турганбаю, ни словом не обмолвилась о Сырыме». И вот теперь я вспомнила о нем. Сыркен еще не успел приехать на весенние каникулы. Так как Айдархан-ага был занят подготовкой выборов, за ним был послан другой человек. Мне захотелось учиться в той же школе, где мой брат-восьмиклассник, и жить в том же доме, где он. Эльза одобрила мое решение:

– Правильно. Почтальон Бекжан, наверное, сегодня рано уехал. А завтра постарайся добраться в Каркаралы на его телеге.

В тот момент я не придавала значения тому, что Эльзе всего двадцать пять лет, а Сырым – всего лишь ученик, живущий на иждивении других. Для меня были важнее чувства этой доброй девушки, разделившей со мной мои страдания, ее искренние слезы и участие в моей судьбе. Мы обе обрадовались, что я вспомнила Сырыма, и думали, что приняли верное решение. Нами был разработан план. Мне не терпелось дожидаться утра. Я ощущала себя счастливой, мечты и грезы распирали мою грудь. Мне казалось, что все радости связаны только с отъездом из этого дома.

Я всю ночь не смогла сомкнуть глаз, а под утро сон одолел меня. Как на беду, Эльза тоже припозднилась, мы поняли, что план наш обречен на провал, и сильно расстроились, не зная, что сказать друг другу. День тоже выдался под стать нашему настроению, пасмурный, промозглый, предвещающий либо холодный дождь, либо снег. Но я не собиралась менять намерения.

Надев два-три ситцевых платья одно поверх другого и на ходу застегивая фуфайку, я выбежала из дому, пока домочадцы еще не успели проснуться. Меня гнала мысль, что я смогу еще настигнуть уехавшую в райцентр почтовую телегу. Я старалась идти по свежим следам телеги, но непогода ранней весны мешала мне ускорять шаги. Под снегом была талая вода. Мокрый снег проваливался от каждого шага, и вода хлюпала под моими ботинками.

Оглядываясь назад, я бежала, что было сил, и удалилась от аула на приличное расстояние. Убедившись, что и озеро Копя, что находилось неподалеку от нашего дома, уже позади, я в тревожном настроении продолжала двигаться вперед. Именно в этот момент вернуться обратно казалось невысказанным. А если узнают, нет сомнения в том, что наказание будет суровым. Промокшие ботинки отяжелели и издавали хлюпающий звук. Я разулась, выжала портянки и снова обулась. На меня навалилось уныние, тут же появилась мысль, что могу повстречать волков. Стало страшно.

Я не смогла догнать почтальона, его телеги не было видно... Также мне было неведомо, каково расстояние до Каркаралы, я не знала, в каком направлении надо идти. Все эти недочеты и непредвиденные обстоятельства произошли, разумеется, из-за того, что я была еще ребенком. Мне казалось, что райцентр близко, и я быстро доберусь до него. А теперь вот иду в неизвестном направлении. Солнце уже поднялось, и сумерки рассеялись.

Кому мог понравиться этот мой поступок, кто меня ждал с нетерпением?! Но все равно, никакие страхи и сомнения не в силах были остановить меня. Я продолжала упрямо идти вперед, не желая даже думать о возвращении назад. Не обращая внимания на отяжелевшие от сырости ботинки и замерзшие ноги, я ускоряла шаги.

На мое счастье, через некоторое время показался грузовик, направлявшийся из Караганды в Каркаралы. Правда, перепугавшись не на шутку, я бросилась бежать в сторону гор. Шофер был русским, пассажир – казах. Увидев убегающую меня, они начали звать криками и жестами. Дождавшись, когда я робко подошла, они спросили:

– Заблудилась, что ли?

– Нет, в Каркаралы живет мой старший брат. Я сейчас на каникулах и хотела поехать к нему.

Конечно, я не могла сказать им правду и прибегла к такой уловке. Они посадили меня в машину и довезли до базара в центре города. Эти люди готовы были доставить меня на место, но я не знала адреса.

– А теперь найдешь то, что ищешь? – спросили они.

– Конечно, найду, – заверила я своих благодетелей и вышла их машины.

Располагавшиеся на базарной площади магазины и склады, закрываемые на две железные двери, подняли мне настроение и вселили уверенность: «Добралась я. Теперь точно не заблужусь». Меня охватила радость. Дело в том, что я когда-то приезжала сюда к родственникам с Мамой, и именно отсюда мы шли дальше. Я не знала адреса, но в сердце появилась искорка надежды, что повстречаю кого-то из знакомых. Опасаясь наступления темноты, я быстрым шагом шла вперед, когда мне встретилась благообразная старуха. Памятуя о том, что старые люди обычно часто общаются между собой, я обратилась к ней в надежде, что она знает мою родню.

– Апа, вы знаете, где живет Жамал-апа? У нее есть сноха Фатима и сын Асылхан.

– Конечно, душа моя. А ты сама чья будешь?

Я все еще не хотела произносить имени Айдархана-ага.

– Я – дочь человека по имени Аскар. Вы можете его не знать. – ответила я уклончиво.

Старуха не знала Аскара. Она показала мне дорогу и сопровождала подробной информацией:

– Вон под тем бугром стоит красивый дом со скатной крышей. Невестка их дает уроки в русской школе, мы ведь всех учителей знаем. А сын их Асылхан тоже работает на какой-то авторитетной должности.

– Здравствуйте, апа! – приветствовала я бабушку Жамал, зайдя в дом своих родичей.

Та быстро обернулась и сразу узнала меня. Лицо ее выразило недовольство, она отвернулась, бормоча что-то под нос. Потом на четвереньках грузно поползла по

сырмаку⁷ и, собирая полы камзола, кое-как расположилась на нем. Снова взглянула на меня и начала что-то лепетать, как будто справляясь о моем житье-бытье. Платок на голове ее был белоснежно чистым, и очень шел ей. Заплывшее жиром тело чуть не лопалось, она пыхла и тяжело дышала. Вытерев концом платка пот с краснощекого лица, Жамал-апа вздохнула и принялась расспрашивать о семье Айдархана-ага. Разговаривала она тоже тяжело, одышливо. Иногда из ее легких исходили свистящие звуки, как из кузнечного горна. Наверняка причиной тому опять была ее чрезмерная полнота.

Как бы то ни было, я мысленно радовалась тому, что не осталась под открытым небом. Я сразу почувствовала досаду Жамал-апа. Но, усталая и разбитая дальней дорогой, не стала обращать внимания на это. К тому же другого выхода у меня просто не было...

Червем грызла мысль о моем побеге из дома дяди, и я мучилась, не зная, как сказать об этом. Кроме всего прочего, не обрадовало, что в этом доме уже живет какая-то чужая девушка. «О, несчастная! – искренне жалела я ее, – ты тоже, видеть, вроде меня, сиротка. Делаешь все по дому, согласная на все условия, лишь бы выжить как-нибудь...»

Как оказалось, Сырым уже уехал. Откуда ему было знать, что я нагряну? Внутри у меня все перевернулось от этой вести, поднялся невообразимый хаос. Мне было очень горько оттого, что препятствия и напасти сиротства нескончаемы, к тому же внутренности мои от голода начали издавать непотребные звуки. Я то и дело прижимала ладонь к животу, пытаюсь утихомирить их.

А Жамал-апа вела беседу, нахваливала девушку-жиличку, неторопливо готовившую ужин. Откуда им знать, что я почти два дня не ела? «Чтобы суп был наваристым, надо долго варить мясо», – со знанием дела говорила Жамал-апа. Девушка умело замесила тесто, раскатала его, а потом тоненько нарезала лапшу. Пока она доварила суп и разлила его по тарелкам, голод мой разыгрался так, что я едва терпела. Запах горячей пищи заполнил мои ноздри, я еле сдерживала слюнки. Но вот, наконец, и передо мной тарелка дымящегося супа! Я принялась жадно есть, испытывая блаженство от каждой новой ложки. Вскоре зверь внутри меня успокоился, и по всему телу разлилось тепло.

Вот и трапеза подошла к концу, и домочадцы начали расспрашивать меня, как я оказалась тут, почему приехала одна. Я стыдливо поведала им обо всем. Подняв мое платье, они с сочувствием осмотрели мои синяки и ссадины. Асылхана-ага дома не оказалось, уехал в командировку. Только теперь узнавшая все подробности моего визита? Жамал-апа испугалась не на шутку:

– Айдархан уничтожит нас! Он может подумать, что мы подстрекаем тебя. Тебе лучше пойти к Каирхану. Они недавно переехали сюда. Утром я покажу тебе дорогу. Не говори ему, что ночевала у нас, хорошо? Рассердится за то, что мы впустили тебя! – проговорила она, шипя и запинаясь от страха и досады.

Невестка ее Фатима сказала спокойным голосом:

– Интересная вы, тате⁸, почему это мы не должны впускать ребенка, по какой причине? Никуда ее не отпустим, пусть будет у нас. Сами приедут и заберут,

⁷ Сырмақ – напольный ковер, узоры его вырезаются и сшиваются из разноцветных кусков войлока, затем поверху обшиваются пряжей.

⁸ Тәте – обращение к тете, снохе, любой старшей по возрасту женщине.

– распорядилась она. – Завтра я работаю с восьми часов, – добавила она и отправилась спать.

После того как расспросы Жамал-апа закончились, я вышла в прихожую и нашла место для просушки промокших ботинок. На моих ступнях от долгого воздействия воды образовались глубокие складки и морщины, и только теперь они начали разглаживаться. Войдя в дом, я снова села на сырмак, укутав ноги подолом платья.

Внутреннее убранство и содержание квартиры соответствовало городскому быту того времени. Кругом чистота. Комнатные цветы на подоконниках источали тонкий аромат и придавали дому нарядный вид. Особенно приятен был взору цветок в высокой вазе, стоявший на табурете. Табурет снизу был обрамлен марлевой занавеской. Выкрашенный пол сверкал. На окнах висели красивые тюлевые шторы, а снизу – белоснежные, из тонкого хлопка занавески. Их задегивали вечером, когда включали верхний свет. Глядя на всю эту, со вкусом оформленную, красоту я подумала: «Ах, если б я тоже жила в городе!». На стене вещало черное радио, размером с мясное блюдо и похожее на огромную шляпу. Возможно, оттого, что я не видела в ауле ничего подобного, мне всё очень понравилось и показалось безупречно прекрасным.

После утреннего чая старуха Жамал встревожилась и засуетилась так, будто за нами гнались. Ей не терпелось поскорее от меня отделаться.

– Пойдем, покажу тебе дом Каирхана, – сказала она и, пыхтя, вывела меня из дому.

Не было дома ни Асылхана-ага, ни Фатимы-тате, чтобы объяснить им причину моей остановки именно в их доме. Поняв, что бесполезно говорить об этом властной старухе и вступать с нею в спор, я послушно плелась следом за ней. Мысли мои были разбросаны, я никак не могла собрать их. Видимо, поэтому не сосредоточила внимания на доме, который указала старуха. Мне пришлось долго искать дом Каирхана, заглядывая в каждое окошко в округе, выискивая оставленную Мамой мебель. Наконец-то я нашла его. Увидев меня во дворе, Мария-тате бросилась ко мне, крепко обняла и начала целовать.

– Жеребенок мой, как ты здесь оказалась?! – она взяла меня под руку и завела в дом. – Ты знаешь, кто это? – спросила она у дочери, примерно моего возраста. – Это же твоя старшая сестра Жаныл!

Мария-тате вышла, чтобы приготовить чай. Пока мы пили чай, пришел и Каирхан-ага. Они были несколько встревожены моим появлением, но не решились спросить.

Мария приходилась Маме внучатой снохой, то есть женой племянника. При жизни Мамы они были очень близки, уважали и любили друг друга, как сестры. Да и судьбы у них были схожи. Рассказывая о том, как у них с нашей Мамой не держались дети и умирали в младенчестве, Мария-тате всплакнула. Потом она приступила ко мне с расспросами о моем неожиданном прибытии.

– Как твои дела, жеребенок мой? Все ли там живы-здоровы? Как здоровье нашей женеше⁹? Все ли путём у Айдархана-ага?

На все ее вопросы я отвечала кивками опущенной головы. По моему поведению Мария поняла, что дела мои не ахти как хороши.

⁹ Жеңеше – жена дяди, брата.

– Что, женеше за тобой плохо смотрит? – спросила она.

Не поднимая головы, я опять кивнула, из глаз моих покатались слезы. Слова застряли в горле, и я продолжала горько рыдать. Сноха Мария подошла ко мне, прижала к себе, утешая, погладила по голове. Потом опять начала спрашивать:

– Ну, расскажи же, что там произошло у вас?

Вместо ответа я показала покрытые синяками ноги. Мария-тате прямо-таки сошла с лица. Бледная, она обследовала мое тело и всплеснула руками:

– О господи! Как же женеше могла так ужасно с тобой обращаться?! У нее ведь тоже есть дети! – произнесла она в сильном огорчении.

Сказав это, Мария-тате при муже Каирхане дала волю своему возмущению, выразила его как крик души:

– Больше она туда не поедет, пусть учится здесь!

– За эту девочку перед Богом в ответе только Айдархан. Вряд ли он отдаст ее нам, – возразил Каирхан. – Он живет богато, мы – бедные, он нам ее не отдаст.

– Хоть и бедно мы живем, но разделим с ней свой бедняцкий черный хлеб. Будет кушать то, что едим мы сами, с голоду не дадим умереть! – заключила сноха Мария.

Я поняла, что они также побаиваются Айдархана.

Что и говорить, я ведь еще была ребенком, от теплых слов жалости снохи сердце мое оттаяло. Я расправила плечи, словно все невзгоды остались позади, осмотрелась и нашла общий язык с моей сверстницей, погодком Раушан. Мы весело щебетали с ней, играли в игры. Со светлым чувством свободы от железных кандалов я дней пять была счастлива и предавалась играм, когда нагрязнул дядя Айдархан. После подобающих слов приветствия он заговорил с тяжелой обидой в голосе, будто Каирхан и Мария специально поехали в аул и, подзуживая меня, увезли к себе:

– Почему впустили в дом? Не стыдно вам? Ишь, какие близкие родичи оказались, а?!

Каирхан-агатай растерялся и не знал, что отвечать. То ли не смел перечить дяде своему, то ли смалодушничал в силу своей бедности. Мне по сей день остался непонятным его тогдашний поступок. А Мария-тате, наоборот, отважно бросилась на старшего деверя с упреками, как воробей, защищающий своего птенца от ястреба:

– Вы сами растите сыновей и дочерей! Что она сделала такого, чтобы так ужасно избивать ее? Почему женеше так притесняет эту девочку?! – она проговорила на одном дыхании эти слова обвинения и заплакала.

Голос снохи Марии, никогда прежде не выступавшей против деверя, не говорившей ему слова поперек, видимо, прозвучал уж слишком напористо и яростно. Муж ее вскочил, выдернул ремень из брюк и начал стегать жену. Айдархан быстро удалился...

6

Мария-тате устроила меня в знаменитую Каркаралинскую казахскую школу-десятилетку № 1. Несмотря на то, что приехала из аула, я училась на пятерки и четверки. Таким образом, я двадцать пять дней была учащейся городской школы.

Как-то на уроке вызвали учителя. Он вышел и тут же попросил меня в коридор. Не успела я выйти за дверь, как Айдархан-ага накрыл меня волчьим

тулумом, посадил в сани, укутал, привязал и, не дав пискнуть, не заехав к Каирхану за одеждой и учебниками, увез в аул. Всю дорогу я горевала, переживала и плакала. В сердце моем гнезвился страх. Я думала о том, что теперь жизнь моя станет еще хуже.

В ауле моя несчастная головушка снова окунулась в привычный быт, в каждодневные дела. Жизнь вернулась в обычное русло, и месяца три я не слышала ругани в свой адрес, не получала телесных наказаний.

Мое бегство из дома дяди и возвращение явилось настоящей вехой в жизни и в корне изменило меня. Я поверила в свои силы, начала мечтать, ставить перед собой цели.

Самое главное, что я поняла: без окончания школы нет никаких путей. Ясно стало, как день, что никто меня не защитит, не поддержит, и я никуда не смогу уйти. Также я осознала, что нет таких родственников, которые могли бы противостоять гневу Айдархана, дать отпор ему, не подчиниться его воле. Я предвидела, что избавиться от этого дома я могу лишь ценой смерти, либо уехав после окончания школы. Поэтому не стоило больше делать попыток к бегству, они были обречены на провал. Я перестала думать об этом и строить планы. Бездумно продолжала жить под крышей дядино дома, выполняя однообразную работу по хозяйству и учась в школе.

Время было тяжелое, послевоенное. Люди еще не успели оправиться от тягот и лишений войны, быт не налажился. Нелегко было каждому прокормить собственную семью.

Айдархан-ага был могучим и деловым человеком, а должность председателя колхоза позволяла ему жить в достатке. Проблема пропитания в этой семье была коренным образом решена. К примеру, если из районного или областного центра приезжали полномочные представители, в доме дяди закалывали сразу двух баранов. На зиму запасали семь-восемь мешков муки, причем мы различали ее по сортам: первый сорт – белая мука, второй сорт – черная. До согыма¹⁰ делали осенние запасы мяса куздык, а в середине декабря – основной согым. Засоленного сливочного масла в кутыре хватало до самой весны. Кастрюлями стояла смесь топленого масла и конского жира, называемая «шыртылдак». Правда, растительных масел, вроде подсолнечного и хлопкового, не было. Помнится, аульчане собирали травы и засушивали их для чая. А мы сушили спивки настоящего чая и раздавали неимущим, бедным семьям. Чай у нас был всегда. Китайский чай номер шестнадцать в фольговой обертке, прессованный плиточный чай с зеленым орнаментом на этикетке. Плитка была большая, мы отламывали от нее куски. Не переводился у нас также голубоватого цвета, твердый, как камень, кусковой сахар. Его крупные куски дробили щипчиками, которые мы называли «сахарокол». Были еще круглые конфеты с карамельной начинкой, которые, залежавшись, склеивались между собой. Их выставляли почетным гостям как редкую сладость.

Однако эти продукты в готовом для употребления, аппетитном виде доходили до стола благодаря моим стараниям. Подоить коров, отделить из молока сливки, взбить масло, заквасить айран¹¹; посушить курт, сварить иримшик; подоить кобыл и приготовить кумыс и много прочих нескончаемых дел, – все это лежало на

¹⁰ Согым – зимние запасы мяса, обычно конина.

¹¹ Айран – кислое молоко.

моих плечах. От одной только жарки баурсаков я уставала и утомлялась донельзя. Подобный достаток был мечтой многих семей.

Приезжавшие в тот аул по делам важные люди не обходили наш дом стороной, обязательно заезжали, угощались кумысом, чаем. Дело в том, что в ауле не было тогда столовой, поэтому они у нас столовались, давали отдых и корм лошадям. Снохе Батес приходилось заниматься приемом гостей.

Вспоминая печальные и безрадостные дни своей жизни у дяди, я все же отдаю должное описанной выше положительной ее стороне. Живя там, я ни разу не болела, думаю, этому причиной, помимо моего природного здоровья, было полноценное питание, состоявшее из натуральных продуктов.

У моих родителей еще в младенчестве умерли от кори семеро сыновей и три дочери. И вот, когда, отчаявшиеся, они слезно просили у Аллаха детей, вымолили меня. После того как через полтора года родился Куаныш, они прозвали меня «майлыаяк»¹², любили и баловали.

То, что одиннадцатое и двенадцатое дитя родились и выросли здоровыми, не есть ли подлинное таинство, находящееся во власти Создателя? Если разобраться, тот же отец, та же мать, да и окружающая среда, обстоятельства не поменялись. По моему разумению, первое – это промысел Аллаха, Его покровительство, затем – благополучие и достаток дядиного дома, в котором мне довелось жить. Благодаря изобилию там я никогда не голодала, если, разумеется, не брать в счет голодовки, которые я устраивала сама. Да и те, наверное, пошли мне на пользу, ибо, по мнению современной медицины, периодическое голодание очищает организм. Из него удаляются все вредные токсины и шлаки.

Мама моя Хадиша была дочерью здорового, сильного человека по имени Иглик. У нее были старшие братья Садык и Глеу, младшие братья – Калихан и Дихан. По воле родителей младшие братья называли ее не по имени, а по прозвищу «Жалгыз ага» – Единственный брат. Мальчики звали ее на свой лад: «Жангага». Так Маму вся ее родня называла этим именем – Жангага.

7

Перипетии жизни не обошли и мою Маму. Будучи единственной дочерью у родителей, любимой женой моего отца, она ни на миг не смогла освободиться от печалей и трудностей. Не суждено было Аллахом стать ей счастливой матерью. Одно за другим сыпались на нее несчастья и беды: смерть маленьких детишек, уход мужа на войну и многое другое.

Мать моя вместе с другими аульчанами выполняла в колхозе любые работы и не жалела сил, чтобы поднять нас на ноги. Она разделяла с другими все тяготы жизни. Положение у всех было примерно одинаковым, разве что у кого-то пара коров лишних, у кого-то – пары лошадей недостает. Мама была мастерицей и умела делать все, чему тогда обучали девушек. Самыми сложными в этих рукоделиях были: плетение терме алаша, баскура, стегание сырмака, валяние текемета¹³. Кроме того, Мама вязала пуховые шали, шерстяные носки и чулки, шила одежду, верхнюю в том числе. И это неполный перечень того, что она умела делать.

¹² Майлыаяк – «Масляная нога», так, по обычаю, называли ребенка, следом за которым рождался другой.

¹³ Терме алаша – домотканый узорчатый палас. Баскур – шерстяная тесьма шириной от десяти сантиметров, которой скреплялась решетчатая стена юрты. Текемет – узорчатая кошма.

В моей памяти осталось еще одно ремесло: варка мыла для всего аула. В день варки каждой семье раздавались круглые куски мыла, носящие название «бузаушык»¹⁴. Это мыло обильно пенилось. Оно в два дня излечивало от чесотки, да и от других кожных болезней избавляло.

В ауле был дефицит спичек. Заботясь о соседях, матушка не давала погаснуть огню в очаге, закапывала в золу тлеющие угли, и ими всегда можно было воспользоваться. Соседи набирали угли в свой совок, раздували их и уносили. Меня до сих пор изумляет приспособленность людей того времени к жизни. Сколько выдержки, удивительной выносливости, силы и мощи! Причем, проживая полную неудобств и трудностей жизнь, они никогда не говорили, что страдают. Люди послевоенной эпохи воспринимали всё как закономерность существования и подчинялись ей.

Сенокос, доение скота, уход за ним, заготовка на зиму продуктов, – все эти и многие другие дела они, казалось, выполняли играючи. Ах, замечательные люди того времени! Чистый источник воспитания. Словно все они были созданы из Веры и Терпения. Иначе им было не выдержать...

Перевод Раушан Байгужаевой

¹⁴ Бузаушык – круглое мыло, которое варят из жира и поташа.

